

Глава 8

Двоюродная тётушка Лянь посидела, поболтала с Мяо Ши и только потом поднялась, чтобы уйти вместе с дочерью.

«Дома ещё свиней кормить. Если чуть запоздаю — они, конечно, с голоду не помрут, но вот невестка обязательно найдёт, что сказать мне».

В её выражении лица мелькнула нотка беспомощности. В жизни ведь ни у кого не бывает всё идеально: брак у неё был хороший, были и сыновья, и геры, свекровь — не из самых тяжёлых. Но была ещё и невестка — жена старшего брата мужа, — которая вечно искала повод с ней посоревноваться.

Она собиралась сперва вернуться домой и закончить дела по хозяйству, а потом уже вместе с другими женщинами прийти помочь Мяо Ши и Шэнь Цину прибраться в доме. Тяжёлую работу могли взять на себя Мяо Син и Мяо Ван, а вот в наведении порядка и уборке женщины и фуланы были куда сноровистее.

После тяжёлых родов много лет назад Мяо Ши так и не оправилась и оставалась слабой, поэтому в доме семьи Шэнь большая часть тяжёлой работы лежала на Шэнь Цине. Женщины и фуланы, близкие к Мяо Ши, жалели её и потому договорились прийти позже и помочь. Заодно они принесут домашнюю еду и в честь того, что Мяо Ши наконец вырвалась из своих страданий, и как подарок в новый дом.

По дороге обратно двоюродная тётушка Лянь вздохнула и сказала дочери: «Гер Цин — такой почтительный ребёнок: умный, способный, с головой на плечах. Только вот внешность подвела, да и из-за семьи Шэнь его брак всё откладывался».

В деревне назвать гера или девушку «человеком с твёрдым характером» далеко не всегда означало похвалу — чаще в этом слышался скрытый упрёк. От геров и женщин ожидали покорности и послушания, чтобы отцы и мужья были для них центром всего мира. Слишком самостоятельные и упрямые плохо вписывались в такие рамки.

Но двоюродная тётушка Лянь искренне считала, что собственное мнение у гера Цина — это хорошо.

«Если бы у него не было своих расчётов, семья Шэнь давно бы обглодала их двоих до костей. Я раньше даже подумывала сосватать гера Цина за твоего старшего брата, но твоя бабушка слишком ненавидела старую госпожу Шэнь и ни за что не хотела породниться с этой семьёй — на том всё и закончилось».

Её старший сын был на год младше Шэнь Цина и уже успел жениться на фулане, который приходился племянником старосте деревни Чжао. В семье у них всё было ладно, так что она не зацикливалась на прошлом и лишь сказала дочери: «С этого дня не водись с той Шэнь Сяоцзюнь».

«Я и так с Шэнь Сяоцзюнь никогда не играю, — ответила Лянь Жун, раскачивая пустую корзину и шагая за матерью. — И кто сказал, что брат Цин некрасивый? Это деревенские парни просто завидуют и нарочно его обзывают. Если бы брат Цин был мужчиной, я бы вышла за него замуж! В деревне нет ни одного парня красивее него».

Двоюродная тётушка Лянь невольно рассмеялась над детскими словами дочери: «Такая маленькая, а уже о замужестве думаешь? Совесть бы поимела!» А потом, подумав, добавила:

«А ведь верно. Если бы гер Цин был мужчиной, он бы считался очень красивым. Высокий, стройный. Но, к сожалению, он гер, а мужчинам такие геры не по вкусу».

Лянь Жун надулась и пробормотала: «А какое нам до этого дело?»

Двоюродная тётушка Лянь не расслышала её слов. По приходе домой она распорядилась: «Сходи-ка, принеси мне корзину корма для свиней, а потом замочи грязную одежду в тазу с мыльными орехами».

К семи-восемью годам девочки уже могли помогать по дому. Двоюродная тётушка Лянь была добра к детям и не заставляла их делать тяжёлую работу, но с такими мелкими делами они вполне справлялись.

С того самого момента, как двоюродная тётушка Лянь вошла во двор, одна женщина подглядывала в щёлку окна во флигеле, не отрывая глаз. Увидев, как Лянь Жун закончила замачивать одежду и убежала играть, она отвела взгляд и презрительно скривила губы. С яростью втыкая иглу в стельку, которую шила, она бормотала: «Подумаешь, девчонка, а её и работать толком не заставляют. Какая, видите ли, драгоценная».

На следующий день после ухода из семьи Шэнь Цин начал жить привычным образом: колоть дрова и продавать хворост.

За день он мог нарубить целую вязанку дров, а если шёл проворно и возвращался пораньше, то успевал ещё раз подняться в горы за дикими овощами. Один день — рубка дров, на следующий — поход в уезд продавать, и каждый раз он приносил обратно какие-нибудь мелочи первой необходимости, потому что, по правде говоря, после ухода из семьи Шэнь им не хватало буквально всего.

Постельных принадлежностей было мало, поэтому на кан приходилось настилать толстые слои соломы, чтобы не мёрзнуть. Коромысла для воды не было, а единственный глиняный горшок служил и для варки каши, и для хранения воды, так что Шэнь Цину приходилось по несколько раз в день ходить к деревенскому колодцу. Кухня стояла пустая, без нормальной утвари, и Шэнь Цин срубил пень, чтобы использовать его вместо разделочной доски. Нужны были иголки и нитки, масло, соль, соусы — любая мелочь.

Каждый день требовал новых покупок, так что, хотя за месяц продажи дров он и заработал немало, денег на руках почти не оставалось.

Но, несмотря на стеснённые средства и тяжёлый труд, с каждым днём настроение матери и сына становилось всё лучше.

Мяо Ши вставала рано. Едва небо начинало светлеть, она уже заходила на кухню. Масло для лампы ей было жалко тратить, а за больше чем месяц жизни в этом доме она настолько привыкла к этому месту, что могла спокойно передвигаться и без света. Она принималась готовить завтрак и собирать обед, который Шэнь Цин брал с собой в горы.

За домом она разбила небольшой огород, используя семена, которые дала ей двоюродная тётушка Лянь. До сбора урожая было ещё далеко, поэтому большую часть еды по-прежнему составляли собранные в горах дикие овощи. Подруги среди деревенских женщин и фуланов время от времени приносили ей лишние овощи со своих огородов — обычно их выращивали больше, чем семья могла съесть.

Месяц назад, после осенней жатвы, Мяо Син и Мяо Ван принесли им полмешка батата и

полмешка картофеля — всего больше сотни цзиней. А арахис из дома семьи Шэнь они отвезли в уезд и продали не за зерно, а за деньги, чтобы потом покупать свежее по мере надобности. На двоих этого было вполне достаточно, чтобы прожить.

Если считать и зерно, полученное от семьи Шэнь, у них оставалось чуть больше двухсот цзиней, плюс батат и картофель от Мяо Сина и Мяо Вана. Если экономить, этого хватило бы почти на год. Но Шэнь Цин не собирался жить впроголодь. Он уже испытывал голод раньше и слишком хорошо знал цену нормальной еде. К тому же здоровье Мяо Ши всегда было слабым. Ей надо было есть получше.

Шэнь Цин уже всё распланировал. К следующей весне, когда уберут озимую пшеницу, он сможет покупать зерно у односельчан. Это выйдет дешевле, чем в уездных амбарах, да и крестьянам не придётся самим везти зерно в город, так что многие охотно согласятся продать.

А значит, им нужно лишь протянуть до того времени, а еды у них более чем достаточно.

Мяо Син тоже пообещал: «В этом году мы посадили много капусты, осенней редьки и тыквы. Как соберём урожай, принесём вам часть. Невестка говорит, что ты лучше всех квасишь овощи — хочет попросить тебя в этом году сделать нам».

Одной мысли о квашеных овощах хватало, чтобы у Шэнь Цина потекли слюнки. Он их обожал. В доме семьи Шэнь всё вкусное доставалось другим, и соленья были едва ли не единственным, чем он мог утолить вкус. Единственный их недостаток заключался в том, что от них ещё сильнее хотелось есть.

Но для квашения нужен был хороший кувшин, а его у них не было. Шэнь Цин мысленно вздохнул: они всё ещё были слишком бедны. Каждая мелочь требовала тщательных расчётов. До зимы ему нужно было изо всех сил поработать, чтобы купить самое необходимое.

Умение Мяо Ши квасить овощи было известно на всю деревню Шицю. Ещё до замужества все хвалили её соленья. Раньше семья Мяо не решалась звать её обратно ради этого, но теперь, когда она ушла из семьи Шэнь, всё стало куда проще.

Вскоре после осенней жатвы Шэнь Чжигао официально взял в жёны вдову Ли. Это вновь стало поводом для обсуждений в деревне. К тому времени живот вдовы Ли уже заметно округлился, и люди, даже из соседних деревень, судачили за их спинами. Но вдове Ли было всё равно. Она вела себя так, словно одержала победу, и разгуливала с выпяченным животом, как герой после битвы.

Теперь ни Шэнь Цин, ни Мяо Ши больше не проявляли ни малейшего интереса к делам семьи Шэнь.

Погода холодала, и жители деревни начинали готовиться к зиме. Цены на дрова в городе понемногу росли, и Шэнь Цин решил этим воспользоваться. Он собирался нарубить и заготовить как можно больше дров, а когда станет слишком холодно, чтобы ходить в горы, нанять бычью повозку и отвезти всё в город. Так ему не пришлось бы тратить целый день на переноску дров пешком, и он смог бы нарубить ещё несколько дополнительных возов.

У некоторых крестьян были бычьи повозки, и они сдавали их внаём за десять монет за полдня — вполне приемлемая цена.

Шэнь Цин проводил в горах целые дни. Мяо Ши заранее готовила ему еду, чтобы он мог взять её с собой. Она хорошо готовила, и хотя пища была простой — в основном лепёшки из грубого

зерна с дикими овощами, — она получалась сытной и вкусной.

Мяо Ши замесила бобовую муку и муку из сорго на закваске, дала тесту подойти, а потом раскатала его почти до прозрачности. Небольшое количество пшеничной муки, соль, щепотку молотого сычуаньского перца и горсть мелко нарезанного зелёного лука она залила горячим маслом, сделав ароматную пасту. Ею она ровно смазала тесто, сверху выложила мелко порезанную дикую зелень, подровняла края и сложила всё в аккуратную круглую лепёшку. После пропаривания лепёшка становилась пышной, мягкой и слоистой.

Ей было жаль, что у них не было чугунной сковороды — на ней лепёшки получались бы куда вкуснее, но железо стоило дорого. Покупка одной сковороды обошлась бы в три-четыре цянтя серебра, а это была немалая сумма. Пока что приходилось обходиться глиняными горшками и бамбуковыми пароварками.

Когда завтрак и сухой паёк были готовы, Мяо Ши позвала Шэнь Цина встать.

Шэнь Цин был заметно крепче, чем два месяца назад. На первый взгляд казалось, что он похудел, но под одеждой мышцы стали плотнее, а лицо утратило юношескую округлость, заострившись и став более чётким. Мяо Ши тоже немного поправилась: она больше не выглядела так, будто её мог бы свалить лёгкий порыв ветра. Лицо её стало полнее, щёки округлились, и в целом она выглядела куда здоровее.

Шэнь Цин быстро натянул одежду и, зажав между зубами ивовую веточку, принялся чистить зубы. Заглянув на кухню, он пробормотал: «Может, на ужин приготовим яйца? Мы давно их не ели».

«Разве мы не ели их всего три дня назад?» — беспомощно вздохнула Мяо Ши.

После переезда она купила несколько цыплят и держала их во дворе, но те ещё не начали нестись. Если хотелось яиц, приходилось покупать у других — два яйца за одну монету. Мяо Ши было жалко тратить на это деньги.

Гер Цин был слишком щедр в расходах, особенно когда дело касалось еды. В отличие от большинства деревенских, которые дрались за каждую крошку, он следил, чтобы они с матерью ели сытно и хорошо. Но, не имея собственной земли, Мяо Ши никак не могла успокоиться. Они ушли от семьи Шэнь уже больше месяца назад, а иногда ей всё ещё казалось, что это сон. Их жизнь стала лучше прежней, даже слишком хорошей, чтобы быть правдой. И чем больше они тратили денег, тем сильнее её охватывало беспокойство.

«Вчера тётушка Сяоянь прореживала редьку и дала мне корзину редечной ботвы. Вечером заправим её соусом и поедим», — сказала она.

Говоря это, Мяо Ши дорезала только что пропаренные лепёшки на шесть кусков, каждый почти с ладонь величиной. Два она отложила и положила в небольшую плетёную корзинку, а остальные убрала в матерчатый мешок — это был обед Шэнь Цина на сегодня, когда он пойдёт в горы.

Аппетит у Мяо Ши был небольшим, поэтому она взяла лишь полмиски каши и маленький кусочек лепёшки. Шэнь Цин же съел больше половины котла каши. Он жевал и одновременно прикидывал, сколько сможет заработать за заготовленные дрова.

Большая кадка для квашения овощей, глиняный горшок для солений, толстые одеяла и тёплая одежда на зиму — всего этого им всё ещё не хватало. Если бы удалось заработать ещё немного

денег, он наконец смог бы купить железный вок. Тогда им не пришлось бы есть редечную ботву сырой — её можно было бы обжарить.

Когда они только съехали, он был полон уверенности. Но теперь, действительно начав жить самостоятельно, понял: хоть с голоду они и не умрут, денег всё равно не хватало.

И всё же Шэнь Цин не падал духом. Он лишь думал о том, что, если терпеть и работать усерднее, не будет таких трудностей, которые нельзя преодолеть.

<http://bllate.org/book/14994/1329047>